I

Был поздний вечер - юный май,
Вечерний май - томленья час.
И горлинки влюбленный глас
Звучал, тревожа темный гай.
Был полон неги тихий мох,
Цветущий куст о грусти лгал,
И соловей изнемогал,
Услышав розы страстный вздох.
И озеро тайком грустило,
Тенистый брег ему внимал
И воды кругом обнимал;
А в небе дальние светила
Чредою голубой блуждали,
Как слезы страсти и печали.
Летели в храм любви они,
И в ожиданье сладкой встречи
Друг к другу мчались издалече
Те перелетные огни.

Луны прекрасной полный круг
Был ясно-бледным, бледно-ясным.
Но, словно перед взором страстным,
Румянцем заливался вдруг,
И, отраженный глубиною,
Он любовался сам собою.
Над брегом — белые дома.
Спешили в маленьком селенье.
Припасть друг к другу; в отдаленье
Их обнимала полутьма.
За ними, в синеватом лоне,
Деревья льнули — крона к кроне.
А дальше силуэты гор.
Березы - к бору, черный бор -
К березам клонится. А волны
В ручье трепещут. И безмолвный,
Любовью дышит весь простор.

Освещена зарей лучистой,
Под дубом девушка сидит,
Недвижна, с высоты скалистой.
В просторы озера глядит.
Синеют волны перед ней,
Отсвечивают, отлетают,
А там - зеленым зацветают,
А там становятся бледней.
По бесконечной глади вод.
Блуждает взор ее усталый;
На бесконечной глади вод.
Лишь отсвет звезд да отблеск алый.
Прекрасна, словно ангел падший,
Иль амарант, весной увядший.
Но эти чудные черты.
Уже отмечены печатью
Тоски и страшного проклятья.
И чуть поблекшей красоты.

Итак, двадцатый день минул.
Окрестный край во мгле заснул,
Поблекло зарево заката,
И небо бледно-розовато.
Над цепью темно-синих гор.
"Его все нет! Не возвратится..."
Тоска в душе ее теснится,
Печалью затуманен взор.
От боли ей спасенья нет.
Ее мольбы, ее рыданья.
Похожи на волны стенанья,

В слезах дробится звездный свет,
В слезах, что искрою текучей.
По хладным катятся щекам,
Как горький след звезды падучей.
Скользит по бледным небесам.

Вот на краю скалы мелькает,
В ночной простор устремлена,
Одеждой ветерок играет,
В немую даль глядит она.
Ладонь приставила к челу.
И неотрывно в полумглу.
Глядит и слезы отирает,
Глядит туда, где пенный вал.
Искрится у прибрежных скал,
Где со звездой звезда играет.

Там словно голубь белоснежный
Под тучей распахнул крыла,
Иль над водою расцвела
Вдруг лилия в дали безбрежной, -
По синеватой глади вод
К ней что-то движется... И вот.
Все ближе... И уже не прежний,
А новый облик обрело -
Как будто аиста крыло.
Нет! Белый парус там трепещет,
И пара весел стройно плещет,
И гладь расходится кругами.
Заката роза золотая
Венчает парус, отцветая.
Сверкающими жемчугами.
Все ближе, ближе! "Это он,
Его камзол, на шляпе—перья.
И взгляд с огнем высокомерья!"

Вот он привязывает челн,
Вот поднимается тропой,
Уже шаги звучат над яром.
Лицо ее пылает жаром,
Пловцу навстречу побежала,
Подобно ласточке слепой.
Она на грудь ему упала.
И вдруг: "О горе!" Лунный блик
Упал на незнакомый лик.
От ужаса чуть молвит слово:
"Где Вилем мой?" И ей пловец:
"Гляди, - ответствует сурово, -
Вон там зубчатый свой венец
Воздвигла башня. И она.
В пучине вод отражена.
И словно под водой струится.
Свет из окошка. То темница.
В темнице Вилем заточен
И завтра казни обречен.
Твою вину и свой позор.
Проведал он.
И соблазнитель. Убит.
Он Вилема родитель.
И Вилему грозит топор.
Погибнет он. Его краса.
Поблекнет от позорной муки,
И переломанные руки
Вплетутся в спицы колеса.
И тот, кто устрашал леса,
Сам смерти попадет в объятья,
За смерть его - Тебе проклятье!"

Умолк. И быстро сходит вниз.

В тиши шаги отозвались.
Схватил весло рукой проворной.
Как аист полетел челнок.
И вот, как лилии цветок,
Растаял за грядою горной.

Темна вода, тиха волна,
Округу полумгла укрыла.
Мелькнет одежды белизна,
И шепот слышится: "Ярмила!"
И повторяет глубина: «Ярмила!"

Был вечер – мая первый день,
Вечерний май, томленья час,
Звал горлинки влюбленной глас:
"Ярмила! Где же ты, Ярмила?!”

II

С высоты небесных странствий
Пала мертвая звезда
В бесконечное пространство,
В синий омут, в никуда.
Вопль ее звучит над бездной:
"Бесконечен страшный бег,
Где окончен путь мой звездный?"
Никогда – нигде – вовек.
Вкруг белой башни ветры веют,
А у подножья волны млеют,
И камни, башенной стены
Луною посеребрены.
Но тьма царит во глубине темницы,
Там, за стеною, сумрачная ночь,
и луч луны, проникший - сквозь бойницы,
Глубокой мглы не в силах превозмочь.
Столбы плечами своды подпирают
В кромешной тьме. А ветер, дуя с гор,
Поет, как узников загробный хор,
И волосами пленника играет.
А он за каменным столом
Полусидит, полусклонен,
И, на руки упав челом,
В пучину мыслей погружен;
И дума умирает в нем за думой
И омрачают лик его угрюмый,
Как тучи омрачают небосклон.

“Глухая ночь! Твоё крыло
Затмило дальнее село,
Где обо мне горюют!
Горюют? – что я говорю!
Никто не затоскует.
Я жду последнюю зарю,
Свершенье страшной казни,
А там – там ждут начала дня,
Не вспоминая про меня,
Не ведая боязни"

Умолк; но эхо среди тьмы.
Аукалось, звенело,
И словно леденело.
Под сводами тюрьмы,
И где-то в недрах зала
Печально замирало.

Но в тишине тюрьмы уснувшей
Воспоминания живут,
Картины юности минувшей.
К себе преступника зовут.

Воспоминанья прежних лет.
Томят его, как тяжкий бред,
И слез поток из глаз струится,
Душа от прежних чувств томится,
Но к прошлому возврата нет.

Где горы небо подпирают,
Где воды в утреннем дыму,
Там в роще — чудится ему —
Дитя последний день играет.
Отцом отвергнут юный сын
И в стан разбойный попадает.
Там возмужал он и один.
Стал главарем в разбойном стане.
Его прозвали поселяне
"Лесов суровый властелин".
А после — после полюбил
И отдал сердце падшей деве.
И подлеца убил во гневе,
Не зная, что отца убил.
И нынче он в плену оков,
Он за дела свои в ответе
Суровый властелин лесов
Погибнет нынче на рассвете.

И вот за каменным столом
Полусидит, полусклонен,
И, на руки упав челом,
В пучину мыслей погружен;
И дума умирает в нем за думой
И омрачают лик его угрюмый,
Как тучи омрачают небосклон.

"Убит отец! Убийца - я.
Но подлым совращеньем
Запятнан он. И месть моя.
Была двойным отмщеньем.
За что изгнал меня отец,
Толкнул на путь разбоя?
Чем заслужил я мой конец?
Чьей отягчен виною?
Моя ль вина? - Не может быть,
Что создан я, чтоб искупить
Чужие прегрешенья!
За что, за что лишаюсь я
Утех земного бытия,
Любви и утешенья?
Уйти так рано..." - "Рано-ра..." -
И эха гулкого игра,
От темных стен отражена,
Гремит в подземной глубине.
И тьма тоской поражена,
И узник грезит, как во сне.

«Она!.. Мой ангел! Почему
Тебя так поздно я узнал!
Зачем доверилась ему -
Ведь он отец мой!" - Узник встал
В тоске. И загремел металл
Оков. И умерли слова.
Сквозь прорезь узкого окна
Воды блеснула синева.
Зашла за облако луна;
А там над горною грядой.
Плывут созвездья чередой
И голубые огоньки.
Мерцают на воде озерной.
Он смотрит, полон думы черной,
И сердце ноет от тоски.

"Как чуден мир! Как ночь ясна!
Как все вокруг беспечно!
А завтра смерти пелена.
Затмит мой взор навечно.
Ползет туман, как смертный хлад,
Свой полог простирает...
Увы!... Поник усталый взгляд.
И только кандалы звенят,
И звон их замирает.

От гор к горам свое крыло
Ночь распахнула, словно птица.
И мгла ложится тяжело,
И вдалеке туман клубится.
Чу! За горами, одинок,
Пленительной музЫкой
Свой нежный звук лесной рожок
Струит в ночи великой.
Все усыпляет этот звук,
Спокойно дремлют дали.
И узник забывает вдруг
Мученья и печали,—
"Поет о жизни этот глас,
Весь край ночной им дышит.
Но день придет, пробьет мой час,
Мой слух — увы! — в последний раз
Напев далекий слышит".
Он вновь поник; движенье рук —
И цепь звенит в темнице.
И тишина. От тяжких мук
Смежаются зеницы...
О, звук рожка, печальный звук,
Как плач иль пенье птицы...

«Грядущий день! Все ближе он!
А что за ним? Бездонный сон
Иль сон без сновиденья?
А может, жизнь сама — лишь сон,
И жизнь, и смерть, и связь времен —
Лишь сна преображение?
А может, то, о чем мечтал,
Что на земле не испытал,
Я завтра испытаю?..
Кто знает? — Мысль "пустая..."

Он замолчал. И тишина
Ночную даль укрыла.
Опять упряталась луна,
Поблекли звезды, и тяжел
Ночной туман, а дальний дол
Чернеет, как могила.
Умолкнул ветр, притих поток,
Уснул пленительный рожок,
И в глубине темницы хладной
Тишь, темень, сумрак непроглядный.
"Ночь глубока - безмерна ночь!
Но что она в сравненье
С той вечной ночью? Думы, прочь!"
В нем вновь кипит волненье.

Но тишь кругом. Лишь капель звон
Роняет мокрая стена,
Он повторяется вокруг,
Как счет минут, как бег времен,
Однообразно — тук да тук,
Звук — тишина — звук — тишина,
Звук — тишина — и снова звук.

«Как ночь длинна, бездонна ночь,

Но что она в сравненье
С той вечной ночью? Думы, прочь!»
В нем вновь кипит волненье.
А капли звонкие ведут
Однообразный счет минут...

«Та ночь темней! Ведь здесь порой
Горит луна, блестит звезда.
А там лишь тень да мрак немой –
Навек – навечно – навсегда,
Как было, так и будет.
Там нет движенья, нет часов,
Там нет начал и нет концов,
Не минет ночь, не встанет день,
И время не убудет.
Ни звуков нет, ни голосов,
Там цели нет, лишь даль и тень –
И вечно так пребудет.
Там бесконечность надо мной,
И вкруг меня, и подо мной,
Там пустоты зиянье.
Бездонна тишь – там звука нет,
Там ночь и время без примет,
И это – мысли смертный сон,
«Ничто» его названье».
Неужто завтра погружен
Я буду в этот смертный сон!"
И узник впал в молчанье.

А волны легкие играют
На озере в дали туманной
В подножье башни ударяют
Как бы страдальца утешают.
А он – недвижный, бездыханный.

И стражника вдруг будит звон -
Цепей железное паденье.
Он входит. Узник погружен
В томительное сновиденье.
И озаряет слабый свет.
Ряды колонн унылых,
И убегает бледный след
Вглубь лабиринта по стене,
Но мглу ночную в глубине
Он одолеть не в силах.
Недвижны узника уста,
В очах застыла темнота,
Хоть страж, тревоги полный,
Склонился над его плечом
И лампа голубым лучом
Пронзила мрак безмолвный.
А он за каменным столом
полусидит, полусклонен,
И на руки упав челом,
Как будто впал в смертельный сон,
Лишь стон и слов невнятный звук -
Свидетельство предсмертных мук.

"Мой дух, мой дух - душа моя!" -
Как будто из небытия
Звучит неясно, глухо.
Но мгла окрестная мертва,
И тают странные слова,
Не достигая слуха.

Страж подошел. Слепой ночник
К лицу несчастного приник.
Страж узника не узнает:
Черты ужасны, взор его.

Не различает ничего,
Струятся слезы — кровь и пот,
И шепчут губы - он поёт.

И страж вплотную подступил
И ухо в страхе приклонил,
И, словно шелест ветерка,
Коснулся слуха старика.
Он к узнику все ближе, ближе,
Склоняется все ниже, ниже,
Почти коснулся бледных уст.
А узник шепчет тише, тише
И замолкает - тяжкий сон.
А страж, исполнен новых чувств,
Стоит в молчании глубоком,
И слезы катятся потоком —
Он странной жалостью смущен.
И долго он стоит в печали,
Окоченев в подземной зале,
Очнулся — и выходит вон.
Но с той поры, пока был жив,
Ходил он хмур и молчалив,
И сжатых губ его казалось,
И тень улыбки не касалась.

Страж удалился. Снова мгла
В глубинах зала залегла.
Лишь капли звонкие ведут.
Однообразный счет минут.

А он за каменным столом.
Полулежит, упав челом,
Лицо исполнено забот,
И взор недвижный устремлен.
В небытие, за грань времен,
И стынут слезы — кровь и пот.

А капли звонкие ведут.
Однообразный счет минут.
Напев ветров и пенье вод.
Вещают смерть. И тяжела.
Его тоска, темны слова.
А где-то ухает сова
И полночь бьют колокола.

ИНТЕРМЕЦЦО I

полночь

(Та же местность)

Льет бледный свет луна, темнеют гребни гор,
В озерной синеве мерцает звездный хор.
Здесь холм воздвигся над покоем,
Есть колесо на том холму,
И череп скалится во тьму.
Здесь духи вьются страшным роем.
И затевают кутерьму.

Хор духов

“Как голубые огоньки,
Блуждают в полночь светляки,
Их свет струится на погост,
А там скелет встал в полный рост,
Он опирается на крест,
Как страшный сторож здешних мест.
Он здесь последним погребен,
Он здесь один - другие спят.

Седою мглой укрыт до пят,
В глазницах месяц отражен,
Рот мертвеца полуразжат -
В нем зубы белые блестят.”

Голос

“Готовьте место! Близок час!
Он завтра будет среди нас,
Суровый властелин лесов!”

Хор духов
(Они снимают череп)

“Покинь обитель мертвецов,
Очнись - и голос обрети,
Добро пожаловать в наш круг!
Ты слишком долго жил один -
Теперь другого допусти!”

Череп
(Приплясывая среди них)

“Сбирайтесь кости в этот час,
Чтоб был скелет соединен!
Как страшен этот дикий пляс,
Мой новый сон. Мой новый сон!”

Голос

“Эй, место для него готовь!
Свершится приговор над ним,
Нас ветер в полночь сгонит вновь,
Мы славно тризну учиним!”

Хор духов

“Эй, место для него готовь!
Свершится приговор над ним,
Нас ветер в полночь сгонит вновь,
Мы славно тризну учиним!”

Голос

По всем полям летит мой глас:
В час похорон, в полночный час
Чем мертвеца мы одарим?

Чекан с колесом

“Я тело мертвое приму.”

Болотные жабы

“Споем отходную над ним.”

Вихрь над озером

“Я мессу протрублю ему.”

Луна в поднебесье

“Вот саван из ночных паров.”

Туман в горах

“Я темный подарю покров.”

Ночь

“Я черный траур поднесу.”

Окрестные горы

“Соткем одежды из ветров.”

Ночная роса

“Дам слезы - горькую росу.”

Пустырь

“Я благовоний надымлю.”

Уходящая туча

“А я дождями окроплю.”

Увядающий цветок

“А я венки ему сплету.”

Ветерки

“Мы их ко гробу принесем.”

Светляки

“Мы наши свечки понесем.”

Дальняя буря

“Я растревожу меди глас!”

Крот под землей

“Работа есть и мне кроту!”

Время

“Я холм могильный намету.”

Стая ночных птиц под луной

“На тризну призовите нас!.”

Голос

“Уж бледен месяц стал, как тень.
Уже рассвет встает как дым.
Мы славно тризну учиним.
Приходит день! Приходит день!”

Хор духов

“Приходит день! Приходит день!”

(Исчезают)

III

Над темным кряжем ясный день
Встает и будит майский дол,
В лесах, где сумрак не сошел,
Царит предутренняя лень.
Голубоватый пар над лесом.
Струится в розовую высь,
Туманы трепетным навесом.

Над блеклым озером взвились.
У берега — укрыты тенью —
И дальше-дальше — вдоль долин.
Сияют белые строенья,
И, как державный властелин,
В рассвете голову купая,
Вздымается, как тень ночная,
Гора — превыше всех вершин.

Едва над синей горною грядой.
Взошло багряно-смуглое светило,
Как все очнулось, жизнь ключом забила,
Возликовала силой молодой.
Тут стаи белых птиц взметнулись над водой.
Плеск весел, бег челнов, и следом прихотливым.
От них бежит волна с серебряным отливом.
У самых берегов шумит зеленый бор,
Там утренний псалом дроздов и пенье птах,
Ауканье девиц на ближних берегах
Сливаются в один весенний майский хор.
И веянье ветров, подобных песнопенью,
Уносит из долин предутренний туман,
Над лесом гонит в путь гусиный караван.
И лес на склоне гор приводит вдруг в движенье.
Но чем-то смущена прекрасная природа!
Где в лоно синих вод вдается узкий остров,
Где башня белая и зданья городка.
В воде отражены, качаются слегка, —
Там шум и крик с утра, и толп движенье пестрых
У городских ворот скопление народа;
Спешит издалека, теснится разный люд,
Толпа растет, растет и, как поток, течет,
Идет со всех сторон, потерян людям счет,
И нарастает гул - преступника ведут.

Военный караул торжественно шагает,
Преступника на казнь отряд сопровождает.
Он медленно идет на свой последний суд.
Смолкает гул толпы — мгновенье тишины,
Но снова шум, и крик, и возгласы слышны:
"Глядите! Он, в своей одежде!
Плащ! Шляпа! Перья! Все как прежде!
Взор грозен! Это он! Он! Властелин лесов!"
Он медленно шагал, не слыша голосов.
Шум нарастал, вскипал, как грохот бурных вод,
Когда он выходил из городских ворот.
Смыкается толпа, как облака вкруг гор.
На миг сверкнет клинок, как молнии стрела,
Он медленно идет - уставлен в землю взор,
Печально в городке звенят колокола.

На берегу есть холм, он окружен дубравой,
На нем - высокий столб с позорным колесом.
Невдалеке - гора с вершиною двуглавой,
На ней часовенка белеет - божий дом.
И медленно его к часовне подвели,
Отхлынула толпа, застыв по сторонам,
А он один, пред ним - природы дивный храм,
И лоно темных гор, и даль родной земли,
Где детство милое прошло, как краткий час.
Пусть он в последний раз увидит блеск высот,
Последнюю хвалу пускай произнесет
Создателю небес, у паперти склонясь.
Умолкнул гул толпы, народ стоит стеной,
И все сердца полны печали неземной.
И слезы на глазах. И тень невзгоды черной
Овеяла людей, стоящих вкруг него.
Когда последний раз он видит естество
И молит господа, спокойный и покорный.

Заря сиянием живит
Унылый цвет его ланит
Он слезы отирает
И дали озирает.
Пред ним в низине дивный дол,
Вокруг леса, как частокол,
И горные вершины.
А посреди долины
Уснуло озеро. У брега
Оно, как небеса, синеет,
А там становится зеленым,
А там, под яром потаенным,
Вдруг выцветает и бледнеет.
Над ним дома белее снега.
Расположились там и сям.
А в озере гусей стада,
Раздолье белым парусам,
Которые спешат туда,
К далеким темным скалам.
Холмы и белые строенья,
И град, и башня, и челны
В воде видны без искаженья
И озером отражены
Как голубым зерцалом.
А там вдали — скала, обрыв.
И старый дуб в рассвете алом.
Раскинулся — еще он жив.
Ведь здесь - когда-то - сколько раз!
Пел горлинки влюбленной глас,
Там, в прошлом, в небывалом.
Вон холм вблизи воды озерной.
Там колесо и столб позорный.
А за холмом — зеленый гай
Шумит, поет свою печаль,
Долина, солнечная даль,
Блеск ранних рос - прохладный май.

Все это вновь преступник оглядел -
Весь этот край, родимый свой предел;
В последний раз взглянул — и загрустил,
Вздохнул — и слезы полилися градом;
Обвел округу вновь усталым взглядом.
И взор печальный к небу обратил.
В лазурной глубине прозрачные туманы,
Их чуть колеблет легкий ветерок,
И стаи облаков вдали земных дорог
По дальним небесам плывут в иные страны.
И бедный узник обратился к ним:
"Вы, что летите к берегам своим,
Рукою легкой землю обнимая,
Вы, звезды зыбкие, тень синих далей,
Печальники, свидетели печалей,
Вы, плачущие, всем скорбям внимая,
Услышьте просьбу в этот час печальный!
Покуда вы к своим брегам летите,
Вы всей земле привет произнесите,
Привет отдайте и поклон прощальный!
Земле единственной, земле любимой,
И колыбели нашей и могиле,
Земле просторной, матери родимой,
Которую в наследство нам вручили!
А ежели увидеть доведется.
Вам девушку на круче нелюдимой..."
Тут он умолк. Слеза печально льется,
И тронулся военный караул,
Они спустились по тропе широкой,
Все ближе, ближе холмик невысокий,
И вновь утих толпы угрюмой гул.

Стоит палач, для казни меч готовя,
И узник снова оглядел простор,
Последний раз он поднял тяжкий взор
И опустил - судьбе не прекословя.
Он шею обнажил, склонился на колени,
И отступил палач — ужасное мгновенье!
Вот полукруг описывает меч,
И вздох толпы, как ветра дуновенье,
И голова со стуком пала с плеч,
И тело медленно к земле склонилось,
К земле единственной, земле любимой,
К ней - нашей колыбели и могиле,
По ней, просторной, матери родимой,
Которую в наследство нам вручили,
Сыновья кровь потоком заструилась.

И тело узника на колесе ломали,
И голову его на острый кол вздымали,
Теперь жилье его — лишь колесо да кол,
Так властелин лесов последний дом обрел;
И принял, наконец, его последний сон.
Безмолвствуя, народ стоял со всех сторон,
Толпился на холме со странным любопытством.
Покуда к западу склонялся солнца бег.
И луч его живил померкший взор убийцы.
Потом утихло все. Стал пуст вечерний брег.
Почти дотлел закат за далью темных гор,
И месяц воссиял спокойно и светло.
И холм посеребрил, и мертвое чело.
Того, над кем свершен был нынче приговор.
Мутна ночная даль, и тени глубоки,
И смотрят в эту даль померкшие зрачки,
В тот край, где он возрос, в тот край, где начал век,
В те дни, что утекли, как воды сонных рек,
Как давний дивный сон, и как последний день,
Как белых городов мерцающая тень,
Как с уст слетевшее предсмертное желанье,
Как шум былых боев, как звук былых имен,
Как северный мираж, как прошлое страданье,
Звук порванной струны, разбитой лютни стон,
Угасший жар любви, звезды упавшей свет,
Заброшенный погост, след умерших комет,
Забытые дела - деянья давних лет,
Последний дым костра, зарытой меди глас -
Мечты усопшего, счастливый детства час.

Был вечер - мая день второй,
Вечерний май, томленья час,
Звал горлинки влюбленной глас:
"О Вилем! Где Ты Вилем?!"

ИНТЕРМЕЦЦО II

Тучи небо обложили,
Мрачной мглою заклубились
И на горы навалились,
Словно тяжкий свод темницы.
Тени черные застыли.
Тихо, мрачно, как в могиле.
А в просвете меж горами,
Там, где расступились кручи
И скала к скале теснится, -
Словно узкая бойница
Приоткрылась ниже тучи.
Там в просвете меж горами,
За долиною суровой,
Как ночных пожаров пламя —
Узкий след зари багровой

Постепенно выцветает.
И, кружась, ночные птицы.
Прямо в пламя улетают.
Сквозь пылающие щели
Бесконечной вереницей.
Гаснет зарево ночное,
Догорает еле-еле,
Вот уже поблекли дали.
И, заплаканны росою,
Долы, полные печали.

Там в долине, под дубровой,
Собрался синклит суровый -
Перед колесом позорным.
То друзья ночных мгновений.
Собрались, как привиденья,
Ужасом объяты черным -
Без речей и без движенья.
Восседают эти тени.
И молчат, как неживые.
Только шепоты ночные —
Стон иль тихое рыданье —
Слышит темная долина,
В них угрюмое страданье:
"Нету, нету властелина!"

Словно ветр в дали туманной
Бродит с песней непрестанной:
"Нету, нету властелина!"

Словно тайный шепот листьев
Нарастает постепенно,
И звучит в долине мглистой
Постепенно, неизменно:
"Нету, нету властелина!"

И дрожат леса по склонам,
Отвечают буйным стоном:
"Властелина нету! Нету!"

IV

Прошел прекрасный май, поник весенний цвет,
И лето вспыхнуло, и жар его угас;
Подзимье и зима — и вновь весна зажглась;
И так полет времен унес немало лет.

Лет семь уже прошло; последний день в году;
Ночь, темень на дворе. Полночный час грядет,
А там и Новый год. Округа спит во льду.
Лишь слышен топ коня вблизи озерных вод.
Я ехал той порой. И возле городка
Я холмик повстречал (покинув шум мирской,
Там властелин лесов обрел себе покой) —
И череп Вилема узрел издалека.
Был тих полночный край. Покуда глаз хватало,
Прикрыв холмы, и дол, и горы, и леса,
Огромное снегов тянулось покрывало
И белым саваном свисало с колеса.
В беспамятстве луна по небу чуть влачилась,
Был слышен плач совы и ветра буйный бред,
И сухо застучал о колесо скелет.
Конь в страхе задрожал, душа моя смутилась
Я к городским вратам помчался на коне,
А утром расспросил о том, кто был казненный.
Корчмарь мне указал на холмик отдаленный
И повесть грустную тогда поведал мне.
И снова жизни бег с собой меня увлек,
Я бури испытал, печалью тяготился,

Но повесть ту забыть я никогда не смог
И вновь к тому холму весною возвратился.
И вновь в закатный час я на холме сидел,
Где столб и колесо, скелет и череп белый,
Печальным взором я в седую даль глядел,
Туда, где по горам бродил туман несмелый.

Был снова вечер - ранний май,
Вечерний май — томленья час,
Звал горлинки влюбленной глас.
В благоуханный темный гай.
Был полон неги тихий мох,
Цветущий куст о грусти лгал,
И соловей изнемогал,
Услышав розы страстный вздох.
И озеро в долине длинной.
Грустило: брег ему внимал.
И воды крУгом обнимал,
Как брат сестру в игре невинной.
Вкруг черепа пылал закат
Венцом из роз и нимбом алым.
И мертвый лик был розоват.
И устрашал своим оскалом,
И ветер черепом играл,
Казалось, череп хохотал,
И кудри редкие сплетались
И дико по ветру метались.
И росы алые сверкали
В пустых глазницах мертвеца,
Как слезы грусти и печали,
Тоски без края и конца.

Так я сидел. Взошла луна, при ней
Я бледен стал, и череп стал бледней.
И зыбкий свет стелился покрывалом.
По рощам, по холмам, по долам, и увалам.
Кукушка иногда кричала в отдаленье,
Порою стон совы будил покой долины.
Собачий вой и лай был слышен из селенья.
Запахло вдруг травой из ближней луговины;
С холма соседнего пахнуло слезкой девьей,
Светились призрачно озерные глубины;
Как звезды, мотыльки садились на деревья,
Над страшным колесом кружились светлым роем -
И опускалися на мертвеца порою,
И снова роем звезд пускалися в кочевье.

И горьких две слезы, следы моей печали,
Как искры в озере, в моих очах блистали.
Ведь детство отошло - счастливый минул век -
Умчалось навсегда, как воды сонных рек,
Как давний дивный сон и как последний день,
Как белых городов мерцающая тень,
Как с уст слетевшее предсмертное желанье,
Как шум былых боев, как звук былых имен,
Как северный мираж, как прошлое страданье,
Звук порванной струны, разбитой лютни стон,
Угасший жар любви, звезды упавшей свет,
Заброшенный погост, след умерших комет,
Забытые дела - деянья давних лет,
Песнь мертвой лебеди, зарытой меди глас
Последний дым костра, людьми забытый рай -
Вот образ детских лет, ушедших ...
А сейчас
Начало юности - моя поэма - май.
Я сам, как этот май, на лоне голых скал.
Улыбка на устах, но сердцем я устал

Ты видишь путника, спешащего куда-то,

Покуда не угас последний луч заката?
Пока он не исчез, простись с ним поскорей!
Ведь вам не встретиться! Он - вечная утрата!
Вовеки, никогда! Вот образ наших дней!
Грядущее мое! Вот образ бытия!
Извечна лишь любовь! Извечна грусть моя!

Глубокий вечер - юный май,
Вечерний май - томленья час.
И горлинки тоскует глас:
«Ярмила! Вилем! Гинек!»